

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.312

DOI: 10.17223/22253513/31/1

В.В. Кожевников

К ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: НА ОСНОВЕ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На основе анализа учебника по теории государства и права М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной рассматриваются различные аспекты данной базовой, методологической науки, такие как понятия объекта и предмета теории государства и права, цивилизационный подход к типологии государства, содержание актов правоприменения и т.д.

Ключевые слова: теория государства и права, проблемы, объект познания, методология познания, правоотношения, форма государства, акты правоприменения.

Представляется, что актуальность рассматриваемой темы во многом обусловлена тем обстоятельством, что общая теория государства и права в системе юридических наук занимает ведущее место, являясь базовой наукой.

Что касается современных российских теоретиков государства и права, следует признать, что подавляющее большинство из них, хотя, к сожалению, не все [1. С. 244], признают фундаментальное, руководящее, методологическое значение общей теории государства и права. Так, В.В. Лазарев не сомневается, что «будучи наукой фундаментальной, теория государства и права призвана открыть закономерное и необходимое в развитии государства, права и правосознания, раскрыть их объективную сущность. Эта наука на основе абстрактных категорий дает наиболее глубокие знания, объясняет самые важные (сущностные) связи и процессы в государственно-правовой жизни. Поэтому ее выводы составляют теоретическую основу для развития других юридических наук, для решения многочисленных проблем юридической практики» [2. С. 12]. Определяя теорию государства и права как общую юридическую науку, Н.А. Пьянов утверждал, что «...ее положения и выводы являются отправными, базовыми для других юридических наук» [3. С. 23].

Однако, соглашаясь с учеными, признающими высокий статус общей теории государства и права, следует подчеркнуть, что уровень этой, несомненно, важнейшей науки, должен быть достаточно высоким, что, в свою

очередь, определяется содержанием юридической, в том числе учебной, литературы, в которой она воплощается.

К сожалению, приходится констатировать, что качество учебной литературы по теории государства и права, с которой в наибольшей степени знакомятся обучаемые, оставляет желать лучшего [4. С. 67–74].

Чтобы не быть голословным, возьмем в качестве объекта критического анализа один из учебников по теории государства и права, предназначенный для бакалавров, авторами которого являются М.Н. Марченко и Е.М. Дерябина [5]. Данная работа, структурно состоящая из четырех разделов (введение в теорию государства и права, теория государства, теория права, государство и право в социально-экономической и политической среде), содержит, как правило, те же темы, которые рассматриваются и другими авторами. Пожалуй, исключением является тема 38 «Государство и право в условиях глобализации» [Там же. С. 348–362], которая далеко не всегда включается в содержание учебников, несмотря на ее значимость и актуальность. Прежде всего следует обратить внимание на то положение работы, с которым следует согласиться. Речь идет о выделении такого элемента формы государства, как государственный режим, трактуемый как «...совокупность используемых стоящими у власти группами, классами или социальными слоями методов и способов осуществления государственной власти» [Там же. С. 130], который чаще всего в юридической литературе необоснованно определяется как политический [6. С. 5–14].

Что же касается замечаний, а их достаточно много, то суть некоторых из них заключается в следующих положениях, через призму которых и будут раскрыты некоторые проблемы общей теории государства и права.

1. Сразу обращает на себя внимание утверждение авторов о том, что «...наличие четко определенных, отграниченных от сферы “приложения” других, смежных дисциплин предмета и объекта изучения свидетельствует о научной зрелости, относительной самостоятельности и потенциальной эффективности рассматриваемой отрасли знаний и академической дисциплины» [5. С. 3].

Думается, что признать данное положение весьма сложно. Действительно, каждая наука, не исключая и теорию государства и права, имеет свои объект и предмет исследования. Отметим, что понятие объекта шире, им охватываются явления внешнего мира, на которые распространяются познание и практическое воздействие людей. Предмет же – это круг основных, наиболее существенных вопросов, которые изучает наука. Иными словами, предмет науки – это те стороны, свойства объекта, на которых непосредственно сконцентрировано внимание исследователя. Занимая промежуточное место между субъектом и объектом его познания, предмет определяет тот ракурс, угол зрения, под которым ученый смотрит на объект. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что если объект выступает, как правило, общим для ряда наук, это отмечают и авторы учебника [Там же], то предмет одной науки не может совпадать с предметом другой. Любая наука, в том числе теория государства и права,

имеет свойственный только ей предмет, который и определяет ее самостоятельность, своеобразие и особенности, а также отличие от других систем знания.

2. Полагаем, что авторы учебника не до конца определились с понятиями «методология» и «метод» (вернее, методы. – *В.К.*) теории государства и права, их соотношением. Об этом свидетельствуют следующие утверждения: «Метод представляет собой своего рода средство, способ познания исследуемой государственно-правовой материи»; «...метод представляется как прием изучения реальной действительности и получения о ней объективных знаний. Совокупность же методов научного познания действительности формирует методологию действительности» [5. С. 15]. Позднее, проявляя непоследовательность, предлагается уже другое определение методологии теории государства и права, представляющей собой «...систему особых приемов, принципов и методов изучения общих закономерностей возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений» [Там же. С. 16].

На наш взгляд, при всей дискуссионности вопроса в понятие методологии следует включать два содержательных элемента: методы познания и методологический подход в познании. Думается, что такое понимание методологии представляется наиболее перспективным, ибо, с одной стороны, четко определяет пути, способы познания объекта, а с другой стороны, характеризует мировоззрение исследователя, его философско-логическую ориентацию, юридическое мышление. Исходя из этих положений, методологию теории государства и права следует понимать как применение обусловленных философским мировоззрением логических приемов и специальных методов исследования государственно-правовых явлений.

Что же касается конкретных методов познания государственно-правовых явлений, то вызывает большие сомнения отнесение к общим методам познания сравнительного метода, «...активное использование которого связывается с формированием сравнительного права» [Там же. С. 18]. Так, авторы учебника утверждают, что «...сравнительное право как самостоятельная дисциплина имеет свой, отличный от теории государства и права предмет, свой метод (сравнительный) и свой понятийный аппарат» [Там же. С. 47]. Дело заключается в том, что основным, хотя и не единственным методом сравнительного права (сравнительного правоведения) признается не сравнительный, а сравнительно-правовой метод, предполагающий сопоставление государственных и правовых явлений и процессов разных стран и эпох с целью установления сходства и различия между ними [7. С. 15]. Х. Безрух утверждает, что «сравнительно-правовой метод является основным методом сравнительно-правовых исследований, выступающим как совокупность способов и приемов выявления на основе сравнительного изучения общих и специфических закономерностей возникновения, развития, функционирования различных правовых систем» [8. С. 73]. Загадкой, по крайней мере для нас, остались такие частные методы познания, как «методы выработки правовых решений» [5. С. 19].

3. Категорически не согласен с методикой изложения темы 4 «Происхождение государства и права. Основные теории» по следующим причинам: во-первых, авторами анализируются далеко не все теории происхождения государства и права, например историческая школа права; во-вторых, называются такие теории, которые к происхождению права не имеют никакого отношения, например теория насилия, патриархальная теория; в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, – теории происхождения государства и теории происхождения права следует рассматривать дифференцированно, даже с учетом того, что эти теории имеют общее название (например, психологическая) [5. С. 76] либо тесно связаны между собой (например, естественно-правовая и договорная теории) [Там же. С. 73–75]. По сути дела, в этой части работы ведется речь лишь о некоторых теориях происхождения только государства без их соответствующей оценки.

4. Представляется, что весьма поверхностно анализируется так называемый «цивилизационный критерий классификации государств» [Там же. С. 86]. Видимо, речь идет о цивилизационном подходе к типологии государств. При этом приводится единственная классификация типов государств: государства древневосточной цивилизации, средневековой цивилизации, западной цивилизации, государства православного христианства, государства исламской цивилизации и др. [Там же. С. 87]. Думается, что цивилизационный подход, имеющий ряд сторонников (М. Вебер, А. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Сорокин), при характеристике конкретных стран и народов предполагает учитывать не только развитие процессов производства и классовых отношений, но и духовно-культурные факторы, тесную связь с понятием «цивилизация» – понятием многозначным, утвердившимся в европейской науке в эпоху Просвещения, под которым понимается определенная ступень общественного развития, обусловленная зрелостью материальной и духовной культуры [9. С. 39]. Согласно такому подходу факторы культурно-духовного порядка способны существенно повлиять на развитие того или иного способа производства – блокировать некоторые его фрагменты либо придавать ему дополнительные импульсы развития, сущность государства определяется накопленными знаниями и культурой, государственная власть рассматривается как часть мира культуры, возможно рассмотрение нескольких разнородных культур.

Следует учитывать, что в основе цивилизационного подхода, так же как и формационного, лежит идея соотношения государства и социально-политического строя, но с учетом духовно-нравственных и культурных факторов общественного развития. В самом общем виде понятие «цивилизация» можно определить как социокультурную систему, включающую как социально-экономические условия жизнедеятельности общества, так и этические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы человека. Цивилизация, ее ценности влияют не только на социальную, но и на государственную организацию общества. При этом подходе тип государства определяется не столько объективно-материальными,

сколько идеально-духовными, культурными факторами. Так, Тойнби писал, что «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации»; «в сравнении с ним экономические и политические факторы кажутся искусственными, заурядными, несущественными» [10. С. 64]. Что же касается классификаций типов государств с позиции анализируемого подхода, то следует отметить, что их множество, причем они предлагаются как отечественными учеными-теоретиками, так и зарубежными (Г. Еллинек, Г. Кельзен, Р. Махайвер и др.) [11. С. 404–405].

5. Полная путаница наблюдается при изложении § 12 «Основные признаки и черты правового государства» главы 8 «Типы и разновидности государств и правовых систем». Достаточно сказать, что авторами учебника необоснованно отождествляются признаки и принципы правового государства [5. С. 108], а также признаки и предпосылки правового государства.

На наш взгляд, правовое государство как форма политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти для недопущения злоупотреблений, может быть представлено через призму следующих признаков:

- 1) верховенство правового закона;
- 2) реальность прав и свобод граждан;
- 3) организация и функционирование государственной власти на основе принципа разделения властей.

Что же касается принципов, или сторон, правового государства, то они следующие:

- 1) наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание для личности режима правового стимулирования (содержательная, социальная сторона);
- 2) наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти, формирование для государственных структур правового режима ограничения (формально-юридическая сторона).

Согласно первому принципу, правовое государство должно выполнять свое главное предназначение – гарантировать каждому гражданину возможность всестороннего развития личности. Речь идет о такой системе социальных действий, при которой права человека и гражданина являются первичными, естественными, в то время как возможность осуществления функций государственной власти выступает вторичной, производной. Второй принцип воплощается в жизнь с использованием следующих способов, выступающих в качестве самостоятельных принципов: разделение властей во избежание злоупотребления ими; федерализм; взаимная ответственность государства и личности. Наконец, необходимо выделять экономические, социальные, нравственные и политические предпосылки формирования правового государства. В частности, социальной основой правового государства выступает саморегулирующее гражданское общество, о котором упоминают авторы учебника [Там же. С. 109]. Гражданское общество,

предполагающее зрелость социальных связей, функционирует на основе нескольких принципов: индивиды руководствуются только своими частными интересами; между ними образуется общественная связь, при которой каждый зависит от каждого. Будучи частнособственнической социальной структурой, гражданское общество представляет собой систему рыночных отношений, в которых необходимость прокладывает дорогу через конкуренцию и иные, не управляемые административной властью, процессы. Такое общество развивается на основе частной собственности.

6. Весьма трудно понять авторов, которые предлагают классификацию правоотношений в «зависимости от количества участвующих в них сторон и характера распределения между ними прав и обязанностей». По этому критерию ими выделяются односторонние правоотношения, отличительной особенностью которых является то, что каждая из двух участвующих сторон имеет по отношению к другой или только права, или только обязанности (договор дарения). Характерным признаком двустороннего правоотношения является наличие у каждой из сторон взаимных прав и обязанностей (например, договоры подряда, найма, купли-продажи). Отличительная особенность многостороннего правоотношения – участие в нем трех и более сторон и наличие в у каждой из них прав и обязанностей по отношению друг к другу. В таком правоотношении каждому субъективно-му праву одной стороны соответствует юридическая обязанность другой (например, любая гражданско-правовая сделка с участием посредника) [Там же. С. 238].

Критически оценивая данную позицию, следует обратить внимание, что авторы безосновательно в один критерий классификации свели два самостоятельных критерия – по количеству участников правоотношений и по соотношению субъективных прав и юридических обязанностей. И если на основе первого основания выделяются двусторонние и многосторонние, а нередко и односторонние правоотношения, то второй критерий, лежащий в основе классификации, предполагает выделение простых и сложных правоотношений. В простых правоотношениях один субъект имеет субъективное право, а другой – соответствующую юридическую обязанность (например, правоотношения, возникающие по поводу договора займа). В сложных правоотношениях, которых значительно больше, у каждой из сторон имеются и субъективные права, и юридические обязанности (например, трудовые правоотношения).

7. Вряд ли можно согласиться с авторами анализируемой работы, которые в качестве видов субъектов права, участников правоотношений, выделяют лишь физических (частных) и юридических лиц [Там же. С. 240–241]. Видимо, здесь речь идет о субъектах не права, а правоотношений, т.е. об их участниках (индивиды, организации), которые в соответствии с законодательством могут выступать в качестве носителей субъективных прав и юридических обязанностей. Безотносительно классификации субъектов правоотношений следует иметь в виду такие их общие признаки, как внешняя обособленность, персонификация, способность к волеизъявлению.

нию. Что же касается классификации субъектов правоотношений, то, на наш взгляд, наиболее логически выдержанной является следующая:

1) индивиды (физические лица) – граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, лица с двойным гражданством и др.;

2) социальные общности – народ, нация, население региона, трудовой коллектив;

3) организации: государственные – государственные органы, их должностные лица, государственные предприятия и учреждения, государство и его субъекты; негосударственные – общественные, хозяйствующие, религиозные организации. Промежуточное место среди государственных и негосударственных организаций занимает юридическое лицо.

8. Без всякого сомнения, в данной научной статье внимание должно быть обращено на то, как авторы работы понимают юридическое содержание актов правоприменения. Кстати говоря, варианты такого понимания существенно разнятся. Так, в начале утверждается, что такие акты содержат «предписания индивидуального характера» [5. С. 195]; позднее подчеркивается, что «они не содержат каких-либо общих правил поведения, а лишь предусматривают применение соответствующих норм права к конкретному случаю, событию или лицу» [Там же. С. 268]. Наконец, в одной из схем, которые сопровождают темы учебника, находим, что правоприменительный акт «содержит конкретную норму (нормы)» [Там же. С. 272].

Полагаем, что научные позиции определения актов правоприменения с точки зрения их содержательной стороны можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа авторов приводит такие понятия актов применения права, в которых вообще не отражено содержание последних. Примером может служить определение акта применения права С.С. Алексеева, указывавшего, что правоприменительные акты порождают те или иные последствия в процессе применения права [12. С. 250]. Следует признать, что с точки зрения содержательной стороны акта применения права более предпочтительной является позиция, согласно которой применение права понимается как юридический документ, в котором фиксируются правовые последствия вынесенного решения для конкретных адресатов нормы права [13. С. 529].

Вторую группу ученых представляют те теоретики права, которые содержание правоприменительных актов сводят к официальным предписаниям (веляниям), представляющим собой решения по юридическому делу на основе нормы права в отношении конкретных обстоятельств и персонально определенного круга лиц [14. С. 378].

Третья группа объединяет исследователей, которые полагают, что правоприменительный акт – это индивидуальный правовой акт, изданный на основе правовых норм и юридических фактов, определяющий права и обязанности конкретных субъектов [15. С. 253] и меры таких прав и обязанностей [16. С. 346]. Очевидно, что в данном случае речь идет о субъективных правах и юридических обязанностях – мерах соответственно возможного и должного поведения субъектов правоотношений, гарантируемых государ-

ством. В.В. Лазарев определяет правоприменительный акт как государственно-властный индивидуально-определенный акт, совершаемый компетентным субъектом права по конкретному юридическому делу с целью определения наличия или отсутствия субъективных прав и юридических обязанностей и определения их меры на основе соответствующих правовых норм и в интересах их нормального осуществления [17. С. 50–51].

Четвертая группа включает авторов, утверждающих, что содержание актов применения права раскрывается через такие категории, как субъективные права, юридические обязанности и мера юридической ответственности. Так, С.А. Комаров пишет о том, что акты применения определяют субъективные права и субъективные юридические обязанности участников конкретного правоотношения, устанавливая меру ответственности за совершенное правонарушение [18. С. 217]. Подобные положения высказывают и другие ученые [19. С. 430].

Думается, что наиболее полное определение правоприменительного акта дано Ф.А. Григорьевым, который понимает его как государственно-властный индивидуально-определенный юридический акт, выраженный в определенной форме и вынесенный компетентным субъектом права на основании и во исполнение юридической нормы, разрешающий конкретное юридическое дело путем установления субъективных прав и юридических обязанностей либо определения меры государственного воздействия на правонарушителей, отвечающий требованиям законности и направленный на правомерную организацию осуществления права [20. С. 93].

В основном соглашаясь с автором в трактовке акта правоприменения, следует сделать следующее принципиальное замечание: в данном определении необоснованно используется термин «воздействие», который, на наш взгляд, предполагает такие не собственно юридические каналы влияния, как информационный, предоставляющий индивиду сведения о правомерном (должном, дозволенном, запрещенном) поведении, и ценностно-ориентационный, способствующий формированию у людей позитивной идеологии, взглядов, ценностей, убеждений, идеалов, соответствующих одобряемым обществом и государством ценностям, а также правовое регулирование. Иными словами, правовое воздействие осуществляется с помощью системы как юридических средств (норм права, правоотношений, актов реализации и т. д.), так и неюридических (идеологических, воспитательных), которые могут быть ориентированы не только на правонарушителей, но и на законопослушных лиц.

Полагаем, что здесь следует говорить не о мерах государственного воздействия, а о мерах государственно-правового принуждения, в числе которых: меры предупредительного воздействия (профилактические, превентивные), заключающиеся в комплексе официальных мероприятий, производимых от имени государства и направленных на обнаружение возможных рисков (факторов, средств), которые в будущем могут привести к совершению противоправных деяний (плановые и внеплановые проверки, проводимые различными контрольно-надзорными органами

власти; меры предварительного прокурорского реагирования (вынесение предостережений); обыски, выемки и др.); меры пресечения, имеющие своей целью прекратить уже имеющее место неправомерное поведение (совершаемое противоправное деяние) и предотвратить (минимизировать) общественно вредные последствия соответствующего поведения (привод, административное задержание, домашний арест, заключение под стражу и т.д.); меры защиты (правосстановительные меры), предназначенные для восстановления нарушенных или оспариваемых как имущественных, так и неимущественных прав (восстановление на работе незаконно уволенного работника, обязывание судом лица вернуть собственнику неправомерно удерживаемое имущество либо неосновательное обогащение, понуждение судом государственного органа выдать разрешительный документ (лицензию) при наличии незаконного отказа в его выдаче и др.); принудительные меры воспитательного характера, применяемые по постановлению суда к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, специализированного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению); принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом лицам, совершившим преступления в состоянии невменяемости, лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемость (амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего, специализированного или специализированного с интенсивным наблюдением типа); реквизиция, заключающаяся в изъятии по решению государственного органа имущества в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах в интересах общества [21. С. 47–49].

Правовое принуждение (государственное принуждение) в юридической литературе понимается как «основанное на организованной силе и юридических нормах, осуществляемое специальным аппаратом воздействие на поведение людей, ограничивающее их самоопределение в целях подчинения их поведения воле государства» [22. С. 461]. При этом основаниями государственного принуждения, т.е. юридически значимыми фактами, служащими поводом для принудительного воздействия, являются не только правонарушения, как считает ряд авторов [23. С. 29–30], но и иные нежелательные явления, которые причиняют или могут причинить вред интересам личности, общества, государства [24. С. 29–30]. Некоторые исследователи признают в качестве оснований государственного принуждения и противоправное поведение, и возникновение экстремальных социальных условий [25. С. 13]. В.В. Серегина полагает, что «основанием, вызывающим применение принуждения для обеспечения правового регулирования, является прежде всего наличие в деянии обязанного субъекта

состава правонарушения либо наступления иных обстоятельств (юридических фактов), требующих применения государственно-принудительных мер воздействия для обеспечения и защиты субъективных прав заинтересованных лиц...» [24. С. 29–30].

Таким образом, вышеизложенные положения позволяют сделать вывод о том, что юридическое содержание актов применения права выражается в субъективных правах и юридических обязанностях, а также в мерах государственно-правового принуждения, применяемых как за совершение правонарушений, так и при наличии иных нежелательных для личности, общества и государства явлений.

Помимо основных замечаний, так или иначе проанализированных выше, необходимо обратить внимание и на другие спорные положения или положения, с необходимостью требующие конкретизации. Например, авторы должны пояснить, могут ли принципы познания государственно-правовых явлений совпадать с отраслевыми принципами права. Такой вопрос возник потому, что авторами утверждается, говоря о собственных отраслевых принципах познания, что «...в рамках гражданского права России вырабатываются и реализуются такие принципы, имеющие теоретико-методологическое и практическое значение, как принцип дозволенной направленности гражданско-правового регулирования, принцип равенства правового режима для всех субъектов гражданского права, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, принцип свободы договора, принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации» [5. С. 43]. Интересно заметить, что эти же принципы называются в качестве отраслевых принципов гражданского права [Там же. С. 175–176].

Кроме того, следует разъяснить, почему при характеристике типов государства авторы игнорируют такую характеристику, как форма государства (исключением явилось социалистическое государство, формой правления которого признавалась только республика, а формой государственного устройства могло быть как унитарное, так и федеративное государство) [Там же. С. 99]. Другой вопрос касается формы правления современных государств [Там же. С. 122–124]. Обращаясь к анализу так называемых классических форм правления – монархии (дуалистической и парламентарной) и республике (парламентарной и президентской), – совершенно упускается из виду проблема существования нетипичных форм правления (полупрезидентская республика – Франция, Российская Федерация; республиканская монархия – Малайзия, Лесото, ОАЭ; полуабсолютная монархия – Бахрейн, Кувейт, Свазиленд); теократическая монархия – Ватикан, Саудовская Аравия; теократическая республика – Иран и др.), обусловленных разными причинами: преодоление некоторых недостатков президентской и парламентской республик; стремление улучшить взаимодействие высших органов государственной власти; влияние гуманистических идей и институтов, распространение во все большем количестве стран общечеловеческих ценностей; давление и борьба прогрессивных сил общества.

В заключение отметим, что среди множества объективных и субъективных факторов, с необходимостью обуславливающих высокий уровень юридического образования, отвечающий потребностям современного российского общества, особое место занимает качество учебной литературы по теории государства и права – направляющей, руководящей, методологической науки по отношению к другим, особенно отраслевым юридическим наукам.

Однако, как показывает анализ различных учебников и учебных пособий по данной учебной дисциплине, следует подчеркнуть, что наблюдается тревожная тенденция, связанная с существенным снижением их качественного содержания даже в сравнении с немногочисленной учебной юридической литературой советского периода, авторами которой были известные ученые-теоретики – А.И. Денисов, Л.С. Явич, С.С. Алексеев и др. Думается, что рассматриваемая проблема становится еще более актуальной, учитывая тот немаловажный факт, что теория государства и права изучается на первом курсе юридических вузов или факультетов, т.е. в период становления будущих юристов.

Общая теория государства и права – вводная учебная дисциплина. С нее начинается освоение юриспруденции. Не изучив таких основных общетеоретических понятий и категорий, как законность, правопорядок, правоотношение и т.д., «невозможно войти в сложный и противоречивый мир юриспруденции, невозможно усвоить и закрепить отраслевые и прикладные юридические знания» [26. С. 11].

Литература

1. Поляков А.В., Тимошин Е.В., Ромашов Р.А. Теория государства и права на рубеже веков // Правоведение. 2000. № 3. С. 240–246.
2. Лазарев В.В. Теория государства и права (актуальные проблемы) : учеб. пособие. М. : Изд-во Акад. МВД РФ, 1992. 183 с.
3. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 583 с.
4. Кожевников В.В. Качество учебной литературы – залог высокого уровня юридического образования // Вестник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. 2013. № 1. С. 67–74.
5. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2014. 432 с.
6. Кожевников В.В. К проблеме государственного режима современной России // Современное право. 2017. № 5. С. 5–14.
7. Кожевников В.В. Теория государства и права как наука // Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2017. С. 5–43.
8. Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник. М. : ТрансЛит, 2008. 504 с.
9. Цивилизация. Восхождение и слом / отв. ред. Э.В. Сайко. М. : Наука, 2003. 453 с.
10. Тойнби А. Постигание истории. М. : Прогресс, 1996. 608 с.
11. Кожевников В.В., Коженевский В.Б. Исторические типы государства и права // Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А. Теория государства и права : учебник. М. : Проспект, 2017. С. 398–421.
12. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. М. : Проспект, 2008. 576 с.

13. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права : учебник. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 700 с.
14. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М. : Маркет ДС, 2007. 640 с.
15. Власов В.И., Власова Г.В. Теория государства и права : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2011. 331 с.
16. Ковалева Е.Л. Правоприменение // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. М. : Эксмо, 2008. С. 310–363.
17. Лазарев В.В. Избранные труды : в 3 т. М. : Новая юстиция, 2010. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. 648 с.
18. Комаров С.А. Теория государства и права : курс лекций. М. : Рязоблтипография, 1995. 312 с.
19. Скакун О.Ф. Теория государства и права : учебник. Харьков : Консум ; Ун-т внутр. дел, 2000. 704 с.
20. Григорьев Ф.А. Признаки и классификация актов применения права // Вопросы теории государства и права. Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1968. С. 93–109.
21. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие. Иркутск, 2013.
22. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права : уче. Пособие / под ред. В.И. Червонюка. М. : КолосС, 2003. 544 с.
23. Фарукшин М.Х. Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4. С. 16–35.
24. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. 120 с.
25. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
26. Бошно С.В. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Эксмо, 2007. 400 с.

Kozhevnikov Vladimir V., Omsk State University (Omsk, Russian Federation)

TO PROBLEMS OF THE GENERAL THEORY OF STATE AND LAW ON THE BASIS OF THE CRITICAL ANALYSIS OF LEGAL LITERATURE

Keywords: theory of state and law, problems, object of cognition, methodology of knowledge, legal relationship, form of the state, acts of law enforcement.

DOI: 10.17223/22253513/31/1

Defining the relevance of the considered subject, the author emphasizes that it is in many respects caused by that circumstance that, being a basic science, the general theory of state and law takes a leading place in the system of jurisprudence.

With regard to the modern Russian state and law theorists, it is necessary to recognize that the vast majority, though, unfortunately, not everyone recognizes the fundamental, leading and methodological value of the general theory of state and law. This is very well viewed through the prism of their reasoning on this important and basic problem. Defining the theory of state and law as a common legal science, scientists emphasize that its findings are starting and basic for other legal sciences. However, while agreeing with those scientists who recognize the high status of the general theory of state and law, it should be emphasized that the level of this, undoubtedly, the major science must be high. And this, in its turn, is determined by the content of legal and educational literature. Unfortunately, the quality of educational literature on the theory of state and law leaves much to be desired.

In the present article the author considers various problems of this fundamental, methodological science on the basis of the critical analysis of the textbook on the theory of state and law written by M. N. Marchenko and E. M. Deryabina. In particular, this concerns the concept of object and subject of the theory of state and law, a civilized approach to the typology of the state, the content of acts of law enforcement, etc. While agreeing, inter alia, with the fact that

one of the elements of the form of state is not a political regime, as it is believed by most scholars, but a state regime, the author notes a number of provisions that raise objections or require refinements. For example, it is emphasized that only the subject of the theory of state and law determines the specificity and autonomy of the given legal science. It is argued that the theories of the origin of state and law must be considered separately. Attention is drawn to the fact that it is unacceptable to equate the characteristics and principles of a legal state. The article presents the classification of subjects of legal relations, which, having a number of common features, are represented not only by individuals and legal entities but by social communities, organizations (both governmental and non-governmental ones). The article specifies a civilized approach to the typology of state and law, defines its essence, representatives and various classifications. It is summarized in conclusion that among the objective and subjective factors contributing to a high level of legal education, the importance of the theory of state and law literature, which does not always meet proper requirements, cannot be underestimated.

factors causing the high level of legal education, the important place is taken by quality of educational literature according to the theory of the state and the right which not always conforms to due requirements.

References

1. Polyakov, A.V., Timoshin, E.V. & Romashov, R.A. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava na rubezhe vekov* [The theory of state and law at the turn of the century]. *Pravovedenie*. 3. pp. 240–246.
2. Lazarev, V.V. (1992) *Teoriya gosudarstva i prava (aktual'nye problemy)* [Theory of State and Law (Topical Problems)]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
3. Pyanov, N.A. (2010) *Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava* [Consultations on the Theory of State and Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Kozhevnikov, V.V. (2013) *Kachestvo uchebnoy literatury – zalog vysokogo urovnya yuridicheskogo obrazovaniya* [The quality of educational literature as a pledge of high-quality legal education]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 1. pp. 67–74.
5. Marchenko, M.N. & Deryabina, E.M. (2014) *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
6. Kozhevnikov, V.V. (2017) *State Regime of Modern Russia Revisited. Sovremennoe pravo – The Modern Law*. 5. pp. 5–14. (In Russian).
7. Kozhevnikov, V.V. (2017) *Teoriya gosudarstva i prava kak nauka* [The theory of state and law as a science]. In: Kozhevnikov, V.V., Kozhenevsky, V.B. & Rybakov, V.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt. pp. 5–43.
8. Bekhruz, Kh. (2008) *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative Law]. Moscow: TransLit.
9. Sayko, E.V. (2003) *Tsivilizatsiya. Voskhozhdenie i slom* [Civilization. Ascending and Breaking Down]. Moscow: Nauka.
10. Toynbee, A. (1996) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated by E. Zharkov. Moscow: Progress.
11. Kozhevnikov, V.V. & Kozhenevsky, V.B. (2017) *Istoricheskie tipy gosudarstva i prava* [Historical types of state and law]. In: Kozhevnikov, V.V., Kozhenevsky, V.B. & Rybakov, V.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt. pp. 398–421.
12. Alekseev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow: Prospekt.
13. Lyubashits, V.Ya., Mordovtsev, A.Yu. & Mamychev, A.Yu. (2010) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov-on-Don: Feniks.

14. Melekhin, A.V. (2007) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Market DS.
15. Vlasov, V.I. & Vlasova, G.V. (2011) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov-on-Don: Feniks.
16. Kovaleva, E.L. (2008) Pravoprimerenie [Law enforcement]. In: Syrykh, V.M. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Moscow: Eksmo. pp. 310–363.
17. Lazarev, V.V. (2010) *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected Works. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Novaya yustitsiya.
18. Komarov, S.A. (1995) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Ryazoblitpografiya.
19. Skakun, O.F. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Kharkiv: Konsum.
20. Grigoriev, F.A. (1968) Priznaki i klassifikatsiya aktov primeneniya prava [Features and classification of administrative enactment]. In: Baitin, M.I. (ed.) *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Saratov: Saratov State University. pp. 93–109.
21. Kuzmin, I.A. (2013) *Yuridicheskaya otvetstvennost' i ee realizatsiya* [Legal responsibility and its realization]. Irkutsk: Irkutsk State University.
22. Goyman-Kalinsky, I.V., Ivanets, G.I. & Chervonyuk, V.I. (2003) *Elementarnye nachala obshchey teorii prava* [Elementary Principles of the General Theory of Law]. Moscow: KolosS.
23. Farukshin, M.Kh. (1969) Voprosy obshchey teorii yuridicheskoy otvetstvennosti [Questions of the general theory of legal responsibility]. *Pravovedenie*. 4. pp. 16–35.
24. Seregina, V.V. (1991) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie po sovetскому pravu* [State coercion under Soviet law]. Voronezh: Voronezh State University.
25. Kaplunov, A.I. (2004) Ob osnovnykh chertakh i ponyatii gosudarstvennogo prinuzhdeniya [On the main features and concept of state coercion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 12. pp. 10–17.
26. Boshno, S.V. (2007) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Eksmo.